

Глава 14

ТУПИК В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Знаменитый французский географ Элизе Реклю в 1905 г. писал:

«Московское восстание, как и Французская революция, займет достойное место среди выдающихся периодов истории человечества... Борьбу за равноправие начнет рабочий класс. Крестьяне также втянутся в процесс великой революции. Но наряду с классовым возникает другой вопрос, который, несомненно, глубоко волнует народы России, говорящие на разных языках и находящиеся на разных уровнях национального развития. То, что называют Россией, представляет собой бесконечное пространство, завоеванное царем и населенное разными угнетенными народами; наконец, есть огромная страна под названием Украина, лишенная права на собственный язык и литературу. Финны, племена туранского происхождения [то есть с Туранского нагорья в Центральной Азии. — *Примеч. пер.*], башкиры, татары, калмыки... Шесть миллионов евреев, вынужденных жить в пределах черты оседлости... Грузины, которым царь всерьез обещал уважать их независимость; армяне... Ряд угнетенных народов в глубинах Азии... Все они ждут свободы, которую принесет им революция!»

Казалось, маститый географ предсказал тот состоявшийся в сентябре 1917 г. грандиозный Съезд народов России (поляков, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, грузин, мусульман, молдаван и казаков), который объявил федеральную форму правления единственной, которая достойна новой России. Съезду приветствовали специальные представители Временного правительства, выразившие полное сочувствие этой основополагающей идее. Но в то же самое время Временное правительство переживало острый конфликт с крупнейшим из «субъектов» будущей федерации — Украиной.

Изо всех великорусских партий пункт о федеральном устройстве государства имелся только в программе партии социалистов-революционеров. Ему отчаянно сопротивлялись все буржуазные партии, включая самую прогрессивную из них — кадетскую. Кадетские лидеры и юристы сыграли важную роль

в том, что все или почти все малые народы отвернулись от Временного правительства. У российских социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков) идея федерации также не пользовалась популярностью.

Существовали доктринеры единого Государства с большой буквы, идолопоклонники централизации власти — единственной, которая могла определять весь спектр местного самоуправления «по своей милости». Были доктринеры экономического объединения и централизации, а также концентрации «не имеющего отечества» пролетариата благодаря росту концентрации «не имеющего отечества» капитала.

Ни те ни другие не обращали внимания на важный факт: если Французская революция дала миру Декларацию прав человека, то Великая русская революция должна была дать такие же права национальностям — тем живым коллективным сущностям и агентам культурной истории человечества, которые ни один доктринер в мире не смог бы убедить отказаться от их основополагающей идеи «не человек для субботы, а суббота для человека»; иными словами, национальная экономика и государство существуют для людей, а не люди существуют для государства и национальной экономики.

Центром украинского национального движения был Киев. Революция произошла там абсолютно бескровно. Местные общественные лидеры — от торговых палат и военно-промышленных комитетов, земств и муниципальных органов до редакций газет и студенческих организаций, кооперативных обществ и профсоюзов — создали Совет объединенных гражданских организаций. Этот совет избрал Исполнительный комитет, ответственный перед своими выборщиками и одновременно выступавший местным представителем во Временном правительстве. Украинские города были сильно русифицированы. Это повлияло на национальный состав Исполнительного комитета, подавляющее большинство которого было чуждо украинскому национальному движению. В сущности, Исполнительный комитет Совета объединенных гражданских организаций был сборным пунктом русского меньшинства на Украине.

Одним-двумя днями позже возникла другая организация — на первый взгляд, очень скромная. Она включала делегатов от

Украинского научного общества, Украинского педагогического общества, Национального украинского союза, кооперативных и студенческих организаций. Организация назвала себя Центральной Украинской радой (то есть советом). Она направила приветственную телеграмму князю Львову и Керенскому и выразила надежду на то, что «в свободной России будут удовлетворены все законные права украинского народа». Одновременно она обратилась ко всем губернским организациям с просьбой послать делегации во Временное правительство, чтобы заявить о неотложных нуждах украинского народа, создать культурные и образовательные организации и собрать деньги для национального культурного фонда.

На первых порах эта организация не привлекла к себе большого внимания. Луч прожектора был наведен на Гражданский комитет, Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов. Прежняя цензовая городская дума была преобразована и включила представителей демократических организаций. В Советах вспыхнула борьба между большевиками и меньшевиками. Стремительно росли профсоюзы. Украинское национальное движение, находившееся в стороне от этих чисто городских движений, росло почти незаметно. Его базой было крестьянство, та скрытая часть народа, которая сохранила неизменный национальный жизненный уклад, идущий из далекого прошлого. В конце марта киевское губернское земство заявило о своем стремлении стать «национальным украинским земством». Был создан Центральный украинский совет кооперативов. На празднике в честь революции впервые появились национальные украинские знамена и плакаты с лозунгом «Хай живе вільна Україна! (Да здравствует свободная Украина!)». Съезд украинских офицеров объявил себя «Офицерской военной радой». Был создан клуб военных независимой Украины. Начался набор добровольцев в полк имени Богдана Хмельницкого.

В апреле украинское движение вышло на авансцену. Была организована первая чисто украинская демонстрация, в которой участвовали десятки тысяч человек. Ее политический спектр был очень широк. Лозунги «Ура федеральной республике!» и «Свободная Украина в свободной России!» соседство-

вали с лозунгом «Независимая Украина со своим гетманом!». Перед портретом украинского национального поэта Тараса Шевченко толпа поклялась не прекращать борьбы до тех пор, пока не будет создана свободная автономная Украина. Была принята резолюция о поддержке центрального правительства; выражалась надежда на то, что оно признает украинскую автономию и примет меры по украинизации местных органов. Эта демонстрация сильно способствовала подъему украинского национализма.

К середине апреля Центральная рада очень окрепла; к ней присоединилась Украинская социал-демократическая партия. В первой декаде мая рада объявила о созыве Украинского национального съезда. На него приглашались представители всех культурных, политических, профсоюзных и прочих организаций, которые поддерживали идею автономии Украины. Эта новость вызвала сенсацию. Первым забил тревогу Киевский комитет большевиков, узнавший от еврейских социалистических организаций, что рада собирается объявить свой съезд украинским Учредительным собранием. Однако у ведущих партий рады хватило политической интуиции. Большевики принципиально возражали против разделения пролетариата национальными барьерами и государственными границами. Они решили вступить в борьбу с украинским сепаратизмом и заставить Украинскую социал-демократическую партию противостоять «центробежным силам»¹. Этот вопрос обсуждался на конференции всех социалистических партий, а также на совместной конференции Советов и беспартийных политических ассоциаций. Председатель рады историк Грушевский привел убедительные разъяснения. Украинскому национальному съезду предшествовали съезды Украинской социал-демократической партии и вновь образованной Украинской партии социалистов-революционеров; последняя добавила к требованию украинской автономии требование создать отдельный украинский земельный фонд. Обе партии с небольшими расхождениями выступили за автономию Украины и федеративное переустройство России. Эта точка зрения и была принята за основу Украинским национальным съездом, на котором преобладали умеренные украинские националис-

ты (так называемые поступовцы, то есть постепенновцы), радикальные демократы и автономисты-федералисты. Съезд приветствовал киевский комиссар Временного правительства, а председатель съезда Грушевский в ответной речи пообещал «полную поддержку» петроградскому Временному правительству.

Однако несмотря на обмен официальными приветствиями, факт оставался фактом: движение городской революционной демократии (оно же движение русского национального меньшинства на Украине) и украинское национальное движение, по преимуществу сельское, казалось, существовали в разных измерениях, наблюдая друг за другом с недоверием и непониманием.

Для проявления этого недоверия требовался повод. Он вскоре нашелся. На пересылочном пункте скопилось около трех тысяч солдат, ожидавших формирования частей и отправки на фронт. Возникла идея, тут же поддержанная радой, о формировании полностью украинской части — полка имени Богдана Хмельницкого. Рада заявила властям, что национальное единство сильно повышает боеспособность части; что украинцы, рассредоточенные по всей армии, страстно желают объединиться; что лучше руководить этим стремлением, чем не удовлетворить его и тем самым создать почву для агитации. Рада предприняла несколько попыток сформировать украинские полки среди тыловых частей. Она также объясняла свои действия требованиями фронта, но призывала делать это без лишнего шума, который могли неправильно понять.

Через день после принятия радой соответствующей резолюции идею создания специального украинского полка единодушно отвергло объединенное собрание исполнительных комитетов Советов, Гражданского комитета, Комитета депутатов частей Киевского военного округа и Объединенного совета студентов. Это был настоящий «вотум недоверия». Ответ последовал быстро. Через два дня, 1 мая, состоялся украинский военный праздник. Его устроили солдаты, объявившие себя первым украинским полком и принявшие лозунг «За войну до победного конца под знаменем Украины». Полк выразил доверие Временно-

му правительству, Совету рабочих депутатов и даже Государственной думе. Когда председатель «ненационального» Совета солдатских депутатов, социал-демократ Таск попытался убедить солдат отказаться от лозунга «украинизации», его едва не арестовали. Командующий Киевским военным округом генерал Ходорович попросил солдат разойтись и вновь собраться вечером для обсуждения этого вопроса. На собрании, продолжавшемся до поздней ночи, представители солдат наотрез отказались перестать считать себя украинским полком.

Русское революционно-демократическое меньшинство не понимало того, что происходило у них на глазах; своими протестами оно, как и военное командование, только подливало масла в огонь. Причина волнений украинцев была ясна: создание национальных частей из польских солдат. В свое время украинцы сильно страдали от поляков и помогли России одержать историческую победу над Польшей, поэтому они были недовольны этой несправедливостью; даже в свободной России украинцам не позволяли делать то же, что позволили полякам. Украинский социал-демократ Неронович был вдвойне прав, когда заявлял, что работу по организации украинских полков русской и украинской демократии следует вести совместно, потому что иначе «этим воспользуются украинские «твердолобы» и используют для своих шовинистических целей». Еще один член этой партии, Винниченко, предупреждал, что любое другое решение вопроса «может вызвать беспорядки в тылу и на фронте». Но даже генерал Брусилов, единственный постепенновец среди военного командования, разделял чрезвычайно упорное предубеждение против создания частей по «национальному принципу». Он заявил: «Киевский гарнизон достаточно силен для того, чтобы командующий военным округом мог с его помощью подавить беспорядки». Легко представить себе, как эти слова подействовали на украинцев и какую реакцию вызвал у них приказ «отправить три тысячи украинцев на фронт в составе обычных частей».

Это было характерной чертой времени. Люди, считавшие себя, в отличие от «партийных фанатиков», сторонниками «реалистической политики» в революции, постепенно прини-

мали все более жесткие решения во имя «государственности», не думая о том, выполнимы ли эти решения или от них придется отказаться. Произошло именно последнее. 5 мая украинская рада «с удовлетворением приняла заявление главного командования о формировании первого украинского полка». Случись это на неделю раньше, оно вызвало бы в украинских кругах вспышку энтузиазма. Однако после упрямого, но короткого сопротивления данное заявление было воспринято как признак слабости, подорвало авторитет власти и заставило людей думать, что у правительства можно вырвать уступки, ставя его перед свершившимся фактом.

После этого украинские «сепаратисты» (в то время все украинские партии отрицали любые связи с этой не пользовавшейся влиянием, но агрессивной группой) подняли голову. Узнав о предстоящем региональном съезде Советов, они убедили мелкие организации направить туда как можно больше делегатов. На съезде прибыло около двухсот делегатов, большинство которых составили представители националистов. Тут организаторы съезда потеряли голову. Они заявили, что окружные собрания не являются Советами, и решили признать лишь двух представителей от каждого уезда и четырех от каждой губернии. Крестьяне заволновались и потребовали признать полномочия всех делегатов. После долгих и утомительных переговоров всех делегатов допустили к участию в первом торжественном заседании. Вместо объединения крестьянства с городским населением и украинцев с неукраинцами съезд успешно разделил их на два лагеря. Крестьянская секция съезда приняла резолюцию, требовавшую создания федеративной республики с национальной и территориальной автономией Украины, создания центрального украинского земельного фонда и постепенной украинизации воинских частей. Когда организаторы съезда заявили, что на следующие заседания будет допущено только по два делегата от уезда, крестьянская секция расценила это как издевательство над крестьянами, решила бойкотировать съезд и разъехаться по домам. Формальный разрыв стал свершившимся фактом.

Группы, представлявшие национальное меньшинство и бывшие по симпатиям великорусскими, пытались опроверг-

нуть красноречивое напоминание украинской деревни, что они являются не хозяевами страны, а такими же иммигрантами, как украинцы в Великороссии. Но деревня была не одинока. Конференция украинских студентов, проходившая в то же время, заявила, что все украинские партии без исключения приняли общую программу-минимум: «Россия должна стать федерацией свободных демократических республик, одной из которых будет Украина». Это был не прямой «вотум недоверия» российским демократическим партиям.

Перед закрытием регионального съезда выяснилось, что создан Украинский генеральный военный комитет, который обратился к военному министру с просьбой предоставить ему список генералов, офицеров и унтер-офицеров, которые считают себя украинскими солдатами и офицерами. Кроме того, он попросил министра сформировать украинскую дивизию со всеми положенными последней частями, позволить Украинскому генеральному военному комитету завершить формирование частично созданного полка Богдана Хмельницкого и т. д. Затем состоялся съезд Сельского кооперативного союза, решивший принять участие во Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, чтобы добиться «немедленного и клятвенного» признания Временным правительством права Украины на автономию. Был создан Всеукраинский союз кадетов. Наконец, 18 мая состоялся Украинский военный съезд, на который прибыло около семисот представителей украинских групп и организаций армии и флота.

Состоявшиеся на съезде дебаты продемонстрировали, что Керенский может рассчитывать на украинское национальное движение. Многие ораторы выступали за войну до победного конца и присоединение Галиции и Прикарпатской России к Украине. Шаповал, Масюк, Белоконь, Луценко описывали, с какой решимостью украинцы, объединенные в национальные полки, будут сражаться, чувствуя за спиной автономную Украину, а впереди — еще не завоеванные естественные западные границы.

Слышались и новые голоса, раздраженные и агрессивные. «Независимость Польши и автономия Финляндии уже объявлены. Польша была завоевана, а мы воссоединились с Росси-

ей как равные с равными. Так почему у нас меньше, а не больше прав, чем у поляков?» В этой благожелательной атмосфере подали голос и украинские шовинисты: «Все великорусские крестьяне, рабочие и интеллигенция враждебно настроены к украинцам»; «украинский народ принимал активное участие в революции не для того, чтобы ждать милостей Учредительного собрания, которое без украинского большинства может отказать нам в автономии — так же, как сейчас поступают разные Советы рабочих и солдатских депутатов»; «нам говорят, что сейчас не время, что отечество в опасности. Но что такое отечество? Наше отечество — Украина, а не Россия. Время ждать и просить милостыню прошло. Мы — сила, у нас тоже есть штыки».

Украинская социал-демократия выступила с серьезным предупреждением:

«Революцию совершили рабочие и солдаты; только благодаря им мы смогли собраться и организовать. Мы не должны бросать своего союзника, российскую демократию, хотя в некоторых вопросах с ней не согласны. Лучшие люди России, включая Советы рабочих и солдатских депутатов, встревожены внешними и внутренними событиями. Давайте выберем более подходящий момент; мы связаны с Российским государством тесными политическими и экономическими узами».

Винниченко воззвал к здравому смыслу большинства военных делегатов:

«Да, сейчас у нас есть силы, которые продолжают расти. Но мы не должны забывать, что украинские солдаты рассеяны по всей стране. Будет ли достаточно наших сил для вооруженной борьбы? Мы должны организовать... Мы не собираемся нападать на русскую демократию со штыками и не должны позволить ей напасть на нашу».

Съезд воздержался от принятия сверхагрессивных решений. Он направил Временному правительству просьбу признать «в принципе» автономию Украины, добавив пожелание создать пост специального министра по украинским делам и направить представителя от Украины на будущую мирную конференцию. Последнее требование вызвало особое недо-

вольство русских кругов на Украине. Их позиция кардинально противоречила поведению буржуазии и националистического правительства Англии, которые охотно позволяли участвовать в мирных конференциях представителям всех своих доминионов.

Военный съезд провел совместное заседание со съездом кооперативов. На нем была зачитана телеграмма, поступившая от Исполнительного комитета Петроградского совета. Вопрос о создании национальных частей обсуждался специальной комиссией с помощью генерального штаба и национальных организаций. Его включили в повестку дня Первого Всероссийского съезда Советов. Исполнительный комитет попросил съезд обратиться с призывом ко всем украинским солдатам воздержаться от «произвольных и несанкционированных действий» до решения Всероссийского съезда. После этого вновь последовал взрыв. Заключительное заседание Военного съезда решило послать в Петроград специальную делегацию для обсуждения вопроса о создании украинских военных частей. Одновременно оно призвало солдат «ради спасения Украины и России воздержаться от самовольного оставления своих частей».

В начале июня Киев посетил Керенский. Лидеры Центральной рады Грушевский и Шульгин были откровенны; хотя когда-то Украина была самостоятельным государством, «мы не стремимся к независимости», мы хотим лишь «автономии в составе Российской федеративной республики». В такой форме «украинское движение является для России не угрозой, а сильной поддержкой; Временное правительство должно пользоваться ею, если хочет спасти Россию». Короче говоря, «только децентрализация сможет спасти Россию, иначе страна погибнет». Керенский пообещал сделать все возможное «в соответствии со своим долгом и совестью». Он указал, что в этом вопросе вынужден «сражаться с нетерпением, подобным тому, что царит в рядах русской демократии». «Вы говорите о том, что Учредительное собрание должно санкционировать свершившийся факт, а нам хотелось бы, чтобы оно подготовило почву для этого факта». Переговоры закончились заявлением Грушецкого о том, что удовлетворение насущного желания всего народа нельзя откладывать до бесконечнос-

ти. Если это случится, Центральная рада «не отвечает за последствия». Керенский ответил, что он в любом случае останется «другом» украинцев.

10 июня начался Всеукраинский крестьянский съезд, а 17 июня — Второй Военный съезд. Конфликт с правительством перешел в открытую стадию. Новый командующий Киевским военным округом генерал Оберучев, правый эсер и сторонник Керенского, издал специальный приказ о многочисленных случаях произвольных действий при формировании украинских частей и выборах украинских офицеров, которые «граничат с гражданской войной». Украинская делегация в Петрограде успеха не добилась. «К несчастью, — говорил Винниченко, — украинская делегация встретила не с министрами-социалистами, а с Лазаревским и Котляревским, которые фактически настроили правительство против нас»*.

11 июня в Киев пришла телеграмма от Керенского, в которой Украинский военный съезд объявлялся «несвоевременным». Поскольку проходившим практически одновременно Польскому, Казачьему, Авиационному и Всероссийскому военному съездам никаких препятствий не чинилось, этот запрет можно было расценить только как удар по украинскому национальному движению. На Крестьянском съезде это вызвало бурю страстей. Солдаты призывали съезд «последовать примеру доблестных предков, которые умели бороться за свою свободу и права с мечом в руке». Призывавших «идти в ногу с теми русскими социалистами, которые признают права всех народов, в том числе и украинского, не на словах, а на деле», слушали равнодушно. Оратора, который заявил, что Украина «получит свободу и землю только тогда, когда их получит Россия», зашикали. Незадолго перед этим наименее влиятельная группа «сепаратистов» призвала отозвать украинских депутатов со Всероссийского крестьянского съезда, объ-

---

* Лазаревский и Котляревский были видными членами юридической комиссии Временного правительства, целиком кадетской по своему составу; эта комиссия устраивала важным вопросам похороны по первому разряду, со всеми церемониями юридического формализма. Министров-социалистов украинская делегация не посетила; некоторые из них узнали о визите украинцев только после отъезда последних.

явить Центральную раду временным украинским правительством, созвать украинское Учредительное собрание и призвать всех украинских солдат присоединиться к национальной украинской армии. Теперь съезд едва не принял эти предложения. Ситуацию спасли украинские социал-демократы и социалисты-революционеры. «Решение об автономии Украины не может быть принято без согласования с другими народами, проживающими на ее территории», — доказывал социал-демократ Мартос. «Берегитесь лозунгов сепаратистов, — убеждал украинский социалист-революционер Заливчий. — Если мы объявим независимой только свою республику, то потеряем свою демократию и не получим землю... Мы должны оказывать давление не только на русскую буржуазию, но и на свою собственную. Не думайте, что если землевладельцы говорят на нашем языке, то они находятся на нашей стороне». Напоминание о социальном антагонизме крестьян с украинскими землевладельцами сыграло свою роль, и съезд отказался следовать за группой сепаратистов, которую возглавлял Степаненко. Во время голосования по вопросу, должны ли украинцы стремиться к автономии или к независимости, за независимость проголосовали лишь девятнадцать сторонников Степаненко, но против нее выступило всего четырнадцать человек. Украинское национальное движение оказалось на распутье.

17 июня три тысячи человек протестовали против запрета Керенским Военного съезда и едва не приняли предложение Союза украинской независимости немедленно провозгласить политический суверенитет Украины. После митинга толпа, к которой присоединился 1-й украинский полк, пришла на Софийскую площадь и подняла над городской думой и памятником Богдана Хмельницкого украинское желто-голубое знамя; под звон соборных колоколов она поклялась «не возвращаться в свои части, не добившись автономии Украины».

Городская демократия, верная своей великорусской ориентации, недооценила значение случившегося. На пленарном заседании Исполнительного комитета Совета две партии обменялись резкими словами. Люди узнали, что Временное правительство отказало украинцам в просьбе, повторив все ту же

священную формулу: «Дождитесь Учредительного собрания». Кадеты, меньшевики и правые эсеры защищали Временное правительство. Украинскую раду обвиняли в лицемерии: что она оправдывала свои действия стихийной силой национальных чувств, а на самом деле разжигала эти чувства. Меньшевик Доротов спрашивал, где гарантия, что завтра украинцы не выгонят из Совета неукраинцев штыками.

Представителям других национальностей, проживавшим главным образом в городах и придерживавшимся русской ориентации, было трудно перестать считать себя хозяевами положения и смириться со статусом меньшинства, удовлетворенного обычными гарантиями прав национальных меньшинств. Они боялись призраков и своей отчаянной борьбой только увеличивали реальную опасность.

Керенский отказался отменить запрет, не подумав о том, как добиться подчинения. Этот отказ только обнажил банкротство Временного правительства — теперь уже коалиционного.

На этот раз Второй Украинский военный съезд постановил: «Поскольку право созыва и проведения съездов принадлежит украинцам так же, как и всем другим свободным народам, запрет проведения съезда военным министром не может считаться законным; следовательно, съезд правомочен принимать решения». Неуклюжие действия командующего Киевским военным округом Оберучева только подлили масла в огонь. Поверив фальшивым слухам о том, что «Украинский съезд в 2.00 утра принял решение о немедленном захвате местных отделений Государственного банка и казначейства», он вывел войска в полном боевом снаряжении и занял эти здания. Затем он быстро издал коммюнике, выразив надежду, что сможет избежать решительных действий, неизбежных «в случае попыток чересчур возбужденной части украинцев призвать народ к гражданской войне». Он предложил гражданам «соблюдать спокойствие», которое потерял сам, и «не верить слухам», которым так опрометчиво поверил. На Военном съезде действия Оберучева и начальника полиции Лепарского расценили как провокацию. Обоих объявили «главарями контрреволюции, антиукраинской гидрой». Среди украинского населения возникло нездоровое возбуждение. Уличные митинги

проходили с утра до вечера. Тем не менее на съезде Винниченко успешно защищал тезис о том, что Украина не готова объявить себя независимым государством. Но украинцы уже не могли ждать Учредительного собрания, ибо, как пессимистически заявил оратор, «вопрос о том, будет ли когда-нибудь созвано Учредительное собрание, до сих пор остается открытым». Съезд провозгласил своей целью достижение автономии Украины и решил добиваться ее «с помощью прямых действий»; он пообещал Центральной раде поддержку всех украинских солдат, находящихся как в тылу, так и на фронте.

По предложению украинских социалистов-революционеров этот манифест опубликовали с большой помпой. Был проведен парад 1-го украинского полка. Звучали колокола кафедрального Софийского собора и Михайловского монастыря. Священники устроили службу и провозгласили «многая лета» украинскому народу, украинскому правительству, солдатам и старейшинам. Толпа прокричала «ура!» в честь украинского народа и Центральной рады, а потом, преклонив колени, хором прочитала «Символ веры» Тараса Шевченко.

В Совете каждая сторона обвиняла в случившемся другую. Русские эсеры и меньшевики обвиняли украинских социалистов в забвении социализма ради национализма и присоединении к шовинистической буржуазии. Украинские социалисты винули их в том же: коалиция с русской буржуазией в рамках Временного правительства заразила русских социалистов духом буржуазной централизации и великорусского национализма. После голосования украинцы и большевики, оставшиеся в меньшинстве по разным вопросам, в знак протеста покинули зал.

В кругах русской буржуазии быстро росло недоверие к раде. Оно частично подкреплялось тем, что еще до войны небольшая и неоднородная группа украинских эмигрантов (Басок-Меленевский, Скоропис-Июлтуховский и другие) попыталась скопировать тактику поляков, которые в ожидании мировой войны и поражения России решили перейти на сторону австро-германцев и с их помощью добиться возрождения независимой Польши. Украинская группа организовала Союз освобождения Украины, установила связь с австро-германским генеральным

штабом и начала формировать отряды добровольцев, сначала из галицко-украинских, а позже из русско-украинских военнопленных. После русской революции Союз освобождения Украины распался; его индивидуальные члены обратились с петицией, чтобы им позволили вернуться на родину. Тот, кто сумел это сделать, столкнулся с открытым недоверием украинских демократических кругов. Их представителей не допустили в Центральную раду. Даже в мае рада отказывалась от любых связей с Союзом освобождения Украины. Когда Скоропис-Иолтуховский прислал из Стокгольма в Украинский национальный фонд деньги, собранные среди военнопленных в Германии и Австрии, Центральная рада отказалась принять их. Однако это не помешало лидерам и публицистам кадетов снова и снова обвинять украинское национальное движение в «австрийской ориентации» — иными словами, в измене государству и революции.

Неожиданно обнаружилось, что большевики пытаются сменить позицию. Вместо «непримиримой борьбы с сепаратизмом» они решили «поддержать прямые действия, провозглашенные украинскими революционерами». На Военном съезде они критиковали его запрет еще яростнее, чем украинцы, и обличали «империалистическую политику центрального правительства». Они агитировали украинцев порвать с их национальной буржуазией и присоединиться к большевикам в их борьбе за власть. Социалистический максимализм большевиков выразался в их желании объединиться с националистическим максимализмом на Украине и вместе атаковать правительство. Дело принимало серьезный оборот. В Советах и Гражданском комитете раздавались голоса, объяснявшие этот абсурдный союз ошибочной политикой русских организаций, не желавших сделать шаг навстречу требованиям украинцев, которые следовало удовлетворить в любом случае.

Министры-социалисты Временного правительства хотя и не всегда одобряли политику рады, но в принципе считали борьбу украинского народа за автономию справедливой. И Церетели, и Чернов признавали право каждой нации, включая украинцев, на самоопределение. То, что украинцы настаивали на автономии, а не на полном разрыве связей с Великороссией,

было доказательством их политической зрелости и предусмотрительности. Великоросс Чернов, задолго до революции ставший федералистом, был решительнее в своих убеждениях, чем грузин Церетели. Но они были в меньшинстве, а кадетские министры защищали противоположную точку зрения, выступая за беспощадную централизацию. Решение правительства зависело от группы центристов — триумвирата «Керенский—Терещенко—Некрасов» и их сторонников. Триумвират склонялся к принятию предложения министров-социалистов. Двух министров послали на Украину: Церетели от социалистического крыла и Терещенко от буржуазного. В последнюю минуту к ним по собственной инициативе присоединились Керенский и Некрасов. В результате переговоры вел триумвират, к которому примкнул Церетели.

Главное бремя достижения политического согласия легло на Церетели, в результате чего переговоры прошли относительно легко. Рада, на первых порах орган сугубо национальный, превратилась в подобие регионального предпарламента, куда вошли представители и других национальностей, проживающих на Украине (пропорционально их количеству). У рады появился собственный исполнительный орган — секретариат. Секретариат также был местным отделением Временного правительства и получил от последнего формальное подтверждение своего статуса. Таким способом автономию Украины удалось совместить с единством революционного фронта общенародной демократии. Эта временная ситуация должна была сохраняться до Учредительного собрания; к тому времени Центральной раде следовало подготовить проект статуса автономной Украины и закона об украинском земельном фонде.

Переговоры по военному вопросу, которые вел главным образом Керенский, приняли совсем другой оборот. Против этой части договора «резко возражали Украинская социал-демократическая партия и Украинский генеральный армейский комитет». Керенский отверг систему территориального формирования частей, которая означала бы пересмотр общего плана мобилизации. Он принял только «более тесный национальный союз» украинцев, служащих в разных частях, при условии, что военный министр сочтет это «технически воз-

можным и не опасным для воинского духа армии». Прямая деятельность в этой сфере любых украинских национальных организаций запрещалась, но к военному министру, генеральному штабу и главнокомандующему прикреплялись специальные украинские делегаты, назначенные по согласованию с Центральной радой.

Во время этих трудных переговоров командующий округом Оберучев запретил частям участвовать в церемонии в честь рады, хотя Генеральный армейский секретариат уже выделил их для этого мероприятия. Несмотря на официальный запрет, украинские части вышли на демонстрацию в честь создания украинской армии. Авторитет власти снова и снова страдал из-за принятия решений, которые она не могла выполнить.

Наконец соглашение было одобрено радой всего ста голосами против семидесяти при множестве воздержавшихся. Его еще должно было утвердить центральное правительство. Хотя «министры доложили об этом правительству в Петроград по прямому проводу... подтверждение согласия, которого ожидали в тот же вечер, не прибыло».

В отсутствие четырех министров в Петрограде оставались четыре министра-социалиста (сторонники соглашения), четыре кадета (его противники) и трое колеблющихся. Все зависело от случая. Отсутствовавшим министрам пришлось срочно вернуться. В Петрограде эти четверо представили текст «декрета», согласованного с украинцами, предупредив, что они с огромным трудом добились его одобрения радой и что любые изменения к невыгоде Украины будут автоматически означать разрыв соглашения.

Кадетские министры расценили это как «грубое нарушение фундаментальных основ коалиции» и «явное доказательство невозможности ее дальнейшего существования» (Милюков). Демонстративная отставка четырех министров-кадетов вызвала большой шум в столице; на улицу вышли стихийные демонстрации с требованием передать власть Советам. Не меньшее возбуждение она вызвала и на Украине. Антикадетские чувства были там так сильны, что Украинскому комитету кадетов пришлось отречься от своих петроградских лидеров и заявить: «Создание единого органа местной власти на

Украине возможно и желательно», в то время как «уход кадетов из правительства является необдуманым шагом, опасным для блага страны».

Партия Милюкова терпела одно поражение за другим. Даже ее внутренняя целостность оказалась под угрозой. Министрам-социалистам пришлось поставить Некрасова и Терещенко перед альтернативой: либо разорвать коалицию вообще, либо попытаться создать на базе левых кадетов и их союзников новую партию, которая могла бы плодотворно сотрудничать с демократией трудящихся. После долгих колебаний они заявили, что не смогут заручиться поддержкой никаких влиятельных групп.

Предложение было сделано не по адресу. Левую, но социалистическую партию мог бы создать только Керенский с активной помощью Некрасова, Терещенко и других. Но Керенский по каким-то непонятным причинам считал себя социалистом-революционером, и партия эсеров разделяла его иллюзию. В результате по мере развития событий ситуация становилась все более двусмысленной: Керенский и партия находились в постоянном негласном конфликте, но для многих Керенский был воплощением политики эсеров, и партия была вынуждена нести ответственность за все его «слова и дела».

Кризис коалиции, вызванный уходом кадетов из правительства из-за украинского вопроса, уходом представителя промышленных кругов Коновалова из-за политики в вопросах труда и ультиматумом князя Львова из-за аграрного вопроса, был полным. Центральный комитет партии кадетов поставил условие: либо повысить однородность правительства, либо отказаться от принятия решений с помощью голосования (поскольку кадетов в правительстве было меньшинство). Второе на практике означало, что кадетское меньшинство в каждом вопросе получало бы право вето.

После долгого правительственного кризиса Керенский пришел к выводу, что создать широкое коалиционное правительство с участием кадетов и торгово-промышленных кругов на узкой платформе революционной демократии невозможно. Он также наотрез отказался создавать унитарное правительство из одних трудовиков. Умеренные советские партии не отважива-

лись создать собственное правительство. Им пришлось бы столкнуться с объединенной атакой всех буржуазных партий с беззащитным тылом, откуда в решающий момент могли нанести удар большевики с их безответственной демагогией.

Поэтому когда в Петроград прибыла новая делегация Центральной рады, в которую входили члены Генерального секретариата Украины, для конкретизации соглашения, она обнародовала, что все нужно начинать заново.

Автора соглашения Церетели больше в правительстве не было. Его отправили в отставку ради сохранения коалиции с кадетами (вместо Чернова, которым отказалась пожертвовать партия эсеров). На сцене вновь появилась кадетская «юридическая комиссия», которая хоронила все новшества. Решающий голос в ней принадлежал правоведам старой школы Кокошкину и барону Нольде. Как говорил Милюков, Кокошкин «старался насколько возможно исправить вред, причиненный России соглашением от 2 июля». Полномочия Генерального секретариата, регионального органа Временного правительства, были сильно урезаны. Он мог управлять неполными пятью губерниями вместо девяти. Заготовки, почта и телеграф, юстиция, железные дороги и война не подлежали его юрисдикции. Треть оставшихся портфелей следовало отдать неукраинцам. В экстренных случаях Временное правительство могло иметь дело непосредственно с местными властями, через голову Генерального секретариата. Кроме того, существовало множество других ограничений, мелких, но очень обидных. Иногда комиссия Временного правительства устраивала закрытые совещания, на которые украинские делегаты не допускались. «Было ясно, — докладывал Винниченко раде, — что некоторые министры провоцируют срыв переговоров». Однако у ведущих партий рады хватило политического чутья не доводить дело до разрыва между Украиной и остальной Россией в тяжелейший момент, когда последняя оказалась меж двух огней: с минуты на минуту мог вспыхнуть корниловский мятеж, а большевистский путч находился в процессе подготовки.

Рада утвердила для Генерального секретариата инструкции, которые остро критиковали даже те, кто проголосовал за их

принятие. Украинские социалисты-революционеры назвали эти инструкции «позорным документом». Пленум губернского Совета крестьянских депутатов охарактеризовал их как «оскорбление демократии». Объяснения рады только подлили масла в огонь. Она заявила, что первоначальное соглашение было нарушено новыми требованиями, отражающими тенденции великорусского империализма; предоставив неукраинским национальностям непропорциональное представительство в органе региональной власти, Временное правительство подорвало единство украинской и неукраинской демократии.

Все усилия Церетели по умиротворению оказались тщетными. Но хуже всего было публичное доказательство того, что на слово Временного правительства полагаться нельзя. Его тактика всегда была одинаковой — шаг вперед, два шага назад.

Второй крупнейшей национальной проблемой после украинской была финская. При попытках ее решить каждое крыло Временного правительства тоже говорило на собственном языке.

Цензовое правительство с самого начала вступило в юридический спор с финнами: кто после падения самодержавия унаследовал права русской короны в Финляндии?

Согласно правому кадету Маклакову, «финны представили предложения, которые предусматривали передачу финскому сейму прав русского императора и великого князя Финляндского после отречения последнего... Это было логично, но на практике означало независимость как *de facto*, так и *de jure*. Кадеты этого не хотели и пытались доказать, что Временное правительство, признанное российским народом, унаследовало все права самодержца, включая его права на Финляндию».

Чем это можно было доказать? Тем, что Николай отрекся в пользу Михаила, а Михаил — в пользу Учредительного собрания? Тем, что князь Львов был назначен премьером Временного правительства по указу Николая II? Эти документы нельзя было считать законной основой власти Временного правительства — тем более что состав последнего несколько раз менялся. Если русский царь был одновременно великим князем Фин-

ляндским и если все совместные финско-русские отношения решались русским и финским законодательством параллельно, то тогда конец царского самодержавия означал и конец русско-финского двоевластия. Прерогативы русского царя могли перейти к Думе, к Учредительному собранию, к Временному правительству и вообще к кому угодно. В таком случае прерогативы великого князя Финляндского должны были перейти к финской стороне. Маклаков признает, что в юридическом смысле «закон был на стороне финнов; наши попытки доказать, что права великого князя Финляндского перешли к Временному правительству, не имели под собой юридической основы».

Для министров-социалистов этот диспут был чистой схоластикой. Русский император, как все монархи, коронованные «Божьей милостью», носил очень длинный и многословный титул. По каким-то древним, почти доисторическим правам он именовал себя также «наследником норвежского престола». Выходит, и Временное правительство должно было коллективно претендовать на «норвежское наследство»? Для русских социалистов Финляндия являлась независимым государством, которому, как и России, революция предоставила возможность решать свою судьбу самостоятельно. Русское Учредительное собрание и финский Учредительный съезд, обладавшие одинаковой конституционной властью, должны были заключить соглашение об их будущих связях как равное с равным. При этом Финляндия могла стать членом Российской федерации, ее союзником или просто соседом.

Министры-социалисты легко заключили бы с финнами такое соглашение, но во Временном правительстве они составляли меньшинство и со стороны следили за долгим законодательным диспутом между виднейшими кадетскими специалистами в области государственного права и столь же квалифицированными финскими законооведами. Маклаков говорил о Временном правительстве:

«Оно защищало российские интересы так же, как когда-то их защищал Столыпин. Но теперь кадетским юристам приходилось оспаривать ту самую теорию, которую они защищали при Столыпине. Когда финны начали настаивать на полномочности их сейма, Временное правительство, как Столыпин или

Бобриков, используя силу, повесило замок на двери этого сейма, как однажды поступил Столыпин с Таврическим дворцом. Временное правительство прибегало к мерам, которые никому не успокаивали и в то же время вели к расколу между двумя странами»².

Министры-социалисты, заложники коалиции, неохотно убеждали себя в том, что роспуск сейма означает лишь подготовку к новым выборам. Когда депутаты Финской социал-демократической партии принципиально пришли в здание сейма, сорвали с двери печать и провели там демонстративное собрание, министрам-социалистам пришлось удовлетвориться тем, что ни один буржуазный министр не высказал своего осуждения данного шага. Этого не потерпели бы русские части в Финляндии.

Министры-социалисты и лидеры Совета часто, но обычно безуспешно пытались служить посредниками между финской демократией и Временным правительством. Чернов также участвовал в этих попытках; он встретился с делегацией финских партий, которая дала ему честное слово, что если Временное правительство примет без изменений подготовленный ими законопроект о расширении прав сейма, то они не будут предъявлять новых требований или создавать новые трудности до созыва Учредительного собрания или окончания мировой войны. Однако большинством голосов законопроект был направлен во все ту же пресловутую «юридическую комиссию».

Мелочные споры с каждой национальностью, начавшей осознавать себя, постоянный страх совершить невыгодную сделку, упрямое стремление отложить или избежать уплаты по векселям, предъявленным историей, — вот какую политику оставили в наследство Временному правительству буржуазные партии. У коалиционного правительства просто не хватило сил отказаться от этого наследства.

Непреодолимое влияние революции заставляло это правительство произносить громкие слова. Но его поступки, мелкие и недалёковидные, этим словам совершенно не соответствовали.

Национальной политике Временного правительства не хватало широты взгляда. Думские «революционеры поневоле» в

глубине души надеялись, что если царская Россия была такой же «тюрьмой народов», как Австрия Габсбургов, то будет достаточно уничтожить этот тюремный режим, чтобы народ ощутил всеобщий энтузиазм и удовлетворение и сохранил прежнее централизованное государство. Они не понимали, что, чем тяжелее был гнет, пытавшийся задавить упрямые ростки национальных чувств, тем сильнее было стремление освободиться от гнета. Им не пришло в голову объявить новую Россию свободным союзом всех народов, союзом, в котором их не будет связывать ничто, кроме «взаимных гарантий», выгодных для всех, добровольной ассоциацией, созданной для блага общества и углубления культурных и социальных связей.

Временное правительство было вынуждено неохотно согласиться на реорганизацию армии по принципу национальных территорий. Но эта украинизация, эстонизация и т. д. полков и дивизий могла либо воссоздать армию на новых принципах, либо разложить ее еще сильнее. Все зависело от того, будет ли найдено общее решение национального вопроса для всех народов России. Временное правительство могло помочь решить этот вопрос, создав специальный Совет национальностей. В первый период революции вожди пробуждавшихся угнетенных народов в целом были далеки от пережестов сепаратизма, к которому они пришли позже. У народов была полная возможность идти по новому пути рука об руку. Но вместо проводника, который вел бы их по пути национального возрождения, они нашли в лице Временного правительства упрямого, холодного и лицемерного защитника исторических привилегий «преобладающей» великорусской нации. Добиться от правительства уступок можно было только шантажом, ставя его перед свершившимися фактами, когда обратного пути уже нет. Это вызывало дезорганизацию в тылу, а дезорганизация, царившая на фронте, становилась еще сильнее. Национальные части внимательно прислушивались к тому, что творилось у них дома, повторяли все происходившие там споры и обсуждали принятые решения. Давление со стороны национальных меньшинств, которое могло стать мощным побудительным стимулом к дальнейшей совместной работе, превратилось в разрушительную силу.

- ¹ 1917 год на Киевщине / Под ред. В. Манилова. Киев: Истпарт, 6.
Г. С. 26.
- ² *Маклаков В. Из прошлого // Современные записки. Т. 44. С. 442.*